

Об изучении катарсиса в прозе А.П. Чехова

Переяслова Мария Олеговна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Работ, посвященных катарсису у Чехова, очень мало: эта проблема рассматривается в статье Н.А. Дмитриевой «Долговечность Чехова», в книге Л.М. Цилевича «Стиль чеховского рассказа». Существует, однако, множество беглых суждений на этот счет, в которых слово «катарсис» обычно не встречается. Они, естественно, нуждаются в обсуждении. Данная задача осложняется тем, что широко бытующее со времен Аристотеля слово «катарсис» наполняется в XX в. очень разным содержанием.

В основе современных интерпретаций лежит вопрос о природе катарсиса как явления эстетического либо внеэстетического. В первом случае утверждается, что гармонизирующее воздействие – свойство любого произведения искусства. Эта традиция преодоления содержания формой, идущая от идей Шиллера и Гете, в XX в. представлена в концепции Л.С. Выготского, а также в рецептивной эстетике Х.Р. Яусса. Чаще, однако, акцент делается на внеэстетической природе катарсиса: это, в первую очередь, воздействие на нравственное чувство читателя / зрителя и (по Д. Лукачу) возбуждение в нем духовной активности. Так понимаемый катарсис – свидетельство о вере автора, обратившегося к мучительно трудным, катастрофическим ситуациям, в неистребимость светлых начал в мире. Данная точка зрения представляется нам убедительной и научно перспективной.

Большинство современных исследователей не связывают катарсис исключительно с категорией трагического. Если оставить в стороне жанровый критерий, то определить границы катарсиса поможет соотнесение его с типами конфликта. Так, нет места катарсису в двух случаях:

- а) Если конфликт отсутствует вообще, либо разрешим в границах произведения, либо не является напряженно переживаемым;
- б) Если противоречия столь непримиримы, что весь изображенный мир отвергается как полностью негативный. Отсутствие просветляющего эффекта парадоксальным образом сближает идиллическое и комедийное с пантрагическим. Присутствует же катарсис там, где конфликт, оставаясь неразрешенным, а то и неразрешимым, не подавляет безысходностью. Об этом – работы В.Н. Ярхо, А.Ф. Лосева, В.П. Шестакова, Д. Лукача. Обращаясь к Чехову, мы опираемся именно на такое понимание катарсиса.

В литературе XX в. катарсис часто находят там, где ему, казалось бы, не должно найтись места: трагическое без традиционного свободно действующего героя (Е.В. Волкова о В. Шаламове), пришедшие на смену трагизму ужас и абсурд (В.К. Кантор о Кафке, Л.Б. Брусиловская о Г. Миллере и С. Довлатове). Одно из свойств такого «неклассического» катарсиса – его парадоксальность. Можно говорить и о разных средствах «создания» катарсиса: это и компоненты предметного мира, и их стилистическая подача. О связи катарсиса с типом повествования, с проблемами композиции, ритма, музыкальности пишут Д.Е. Максимов и Е.В. Волкова. Основной акцент в этих работах сделан на тех просветляющих моментах, которые относятся к сфере аксиологии: устремленность к свободе (В.К. Кантор), душевная ясность и надежда (Л.Б. Брусиловская), высшие ценности, абсолют (З. Матгаузер о М. Цветаевой).

В ряде работ присутствие катарсического начала у Чехова решительно отвергается: реальность, им воссозданная, трактуется как целиком негативная. Подобное представление бытует в двух вариантах:

- а) Мир Чехова – «серенькие будни» и «хмурые люди» (В. Розанов, А. Волынский; более резко высказывались З. Гиппиус, К. Бальмонт, А. Ахматова, М. Цветаева);
- б) Чехов – убийца человеческих надежд (Л. Шестов, Г. Газданов).

Другие же исследователи признают наличие светлого, т.е. катарсического начала в прозе Чехова, но расходятся в его понимании. В одних случаях гармоничная сторона жизни видится только в области ирреального – в мечтах, воспоминаниях, стремлениях героев (В.П. Альбов о творчестве Чехова до «перелома», С.Н. Булгаков, Б.М. Эйхенбаум, С.Г. Бочаров). При этом проявление авторского идеала в поступках героев и их повседневном существовании во внимание не принимается. Как справедливо замечает И.Л. Альми, подобные толкования сводят чеховский конфликт к романтической оппозиции мечты и реальности. В других случаях исследователи говорят о гармоничности природы и глубинных основ чеховского мира («норма» присутствует и в настоящем – В.Б. Катаев, А.П. Чудаков, И.Н. Сухих, А.М. Ранчин, И.Л. Альми). Отмечаются также моменты гармонии в близкой героям реальности: они кратковременны, но неустранимы. Отсюда появление в работах ученых таких слов, как «проблеск», «пунктир», «прозрение», «выход», «прорыв», «взлет» (Э.А. Полоцкая, В.Б. Катаев, В.Я. Линков, Н.А. Дмитриева, Л.М. Цилевич). И.Н. Сухих особое внимание уделяет возможности преображения обыденного существования в мире Чехова. А.Б. Тарасов и Н.В. Капустин говорят о своеобразном праведничестве и святости некоторых персонажей писателя. Просветляющее действие этих образов иногда объясняется религиозным чувством автора (Б.К. Зайцев) или его ориентацией на народное (тоже во многом религиозное) мироощущение (А.С. Собенников). В названных работах говорится о глубокой укорененности катарсического момента в творчестве Чехова, что, на наш взгляд, вполне справедливо. Выделяются компоненты художественного мира писателя, которые имеют просветляющее значение: немногие персонажи с чертами праведничества, природа, сфера воспоминаний, размышлений героев о настоящем и будущем, моменты единения людей (подлинного общения), их прозрения, а также отдельные черты обихода, быта.

Авторы названных и кратко нами охарактеризованных работ сосредоточены главным образом на периоде 1895–1904 гг. и несколько меньше обращаются к произведениям 1888–1894 гг.). Анализируются преимущественно внеэстетические стороны катарсиса. Несмотря на серьезные расхождения в оценке многих рассказов, для большинства исследователей очевидна проблематичность катарсиса в художественном мире Чехова: если безысходность и преодолевается, то не в изображаемой реальности, а в сфере сознания автора / читателя, а иногда и героя.